

ТРУДЫ

В. Г. ВАСИЛЬЕВСКАГО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

• 2 • * • 2 •

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1912.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1912 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Академическая Коммиссія по изданію трудовъ В. Г. Васильевскаго пользовалась при изданіи этого тома помощью академиковъ А. А. Шахматова и Н. Я. Марра (вошедшаго послѣ избранія въ Академію и въ составъ Коммиссіи) и профессоровъ О. А. Брауна и В. Н. Бенешевича. Послѣднимъ, а также членомъ-корреспондентомъ Академіи профессоромъ Г. А. Воскресенскимъ и завѣдующимъ Московской Синодальной Библіотекой Н. П. Поповымъ исполнены были сличенія нѣкоторыхъ славянскихъ рукописей, потребовавшіяся при изданіи пятой статьи тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Русско-византійскіе отрывки.

	СТР.
I. Два письма византійскаго императора Мѣхана VII Дуки къ Всеволоду Ярославичу.....	3
II. Къ исторіи 976—986 годовъ. (Изъ Ал-Мекина и Іоанна Геометра).....	56
III. Замѣтка о пѣшихъ и конныхъ	125
IV. Записка греческаго топарха	136
V. Хожденіе апостола Андрея въ страиѣ Мирмидонянъ ...	213
VI. Житіе Стефана Новаго	297
VII. Житіе Іоанна Готскаго	351

VI.

ЖИТИЕ СТЕФАНА НОВАГО ¹⁾.

1.

Святой Стефанъ, прозванный Новымъ въ отличіе отъ пер-
вомученика Стефана, былъ главнымъ представителемъ право-
славнаго монашества въ борьбѣ съ иконоборческою ересью и по-
страдалъ за свои убѣжденія при второмъ изъ иконоборческихъ
императоровъ, Константинѣ Копронимѣ. Житіе его, написанное
менѣе чѣмъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти, признается
и всегда служить ближайшимъ и важнымъ пособіемъ для изу-
ченія соотвѣтствующаго періода византійской исторіи, такъ какъ
даже съ внѣшней, фактической стороны оно дополняетъ краткія
и сухія извѣстія хроникъ Амартола, Теофана и патріарха Ни-
кифора. Но еще болѣе драгоцѣнно оно тѣмъ, что содержитъ въ
себѣ много живыхъ подробностей для характеристики современ-
наго героя и автору византійскаго быта, какъ церковно-мона-
шескаго, такъ и государственно-общественнаго, — такихъ по-
дробностей, какихъ мы никакъ не найдемъ въ чисто-историче-
скихъ сочиненіяхъ. Въ этомъ отношеніи Житіе Стефана Новаго,
однако, не вполне еще оцѣнено и исчерпано, ибо до сихъ поръ
еще не написано византійской исторіи, сколько-нибудь удовле-

1) <Журн. Мин. Нар. Пр. Часть 191 (іюнь 1877 г.), отд. II, стр. 283—329.>

творяющей современнымъ требованіямъ исторической науки и по возможности представляющей цѣльное изображеніе всѣхъ сторонъ византійской жизни.

Съ другой стороны, памятникъ, на который мы обращаемъ вниманіе, имѣетъ несомнѣнное, хотя болѣе косвенное отношеніе къ вопросамъ первоначальной русской исторіи, на что отчасти ужъ и указано другими. Житіе Стефана Сурожскаго, въ концѣ 284 русской редакціи котораго находится разсказъ о походѣ русскаго князя на южныя области Крыма отъ Корсуня до Керчи, составляетъ, какъ думаютъ, сколокъ съ болѣе древняго греческаго подлинника, излагающаго жизнь соименнаго мученика, пострадавшаго при Копронимѣ. Вопросъ о томъ, когда и кѣмъ написано Житіе Георгія Амастридскаго, слѣдовательно, вопросъ о томъ, суть ли Руссы, въ немъ упоминаемые, въ самомъ дѣлѣ до-Рюриковскіе Руссы, или же напротивъ тѣ самые, которые сдѣлались извѣстны въ 865 году патріарху Фотію — значить, только современные Рюрику, — этотъ вопросъ можетъ быть подвинутъ къ рѣшенію только при помощи подробнаго и сравнительнаго изученія другихъ однородныхъ памятниковъ византійской письменности за весь иконоборческій періодъ: Житіе Стефана Новаго должно служить при этомъ точкой отправленія. Наконецъ, въ этомъ послѣднемъ Житіи есть данныя для исторіи Крыма, которыя необходимо будетъ припомнить при объясненіи Житія Іоанна Готскаго, сочиненія, имѣющаго прямое отношеніе къ первоначальной русской исторіи.

Намъ кажется, что по возможности полное и тщательное изученіе всѣхъ сейчасъ названныхъ произведеній агіографической литературы стоитъ въ настоящее время на очереди. По крайней мѣрѣ, мы можемъ сослаться въ этомъ на замѣчанія, высказанныя двумя учеными, наиболѣе знакомыми съ положеніемъ дѣла. Одинъ изъ нихъ пишетъ: «Въ виду высказанной (другими) догадки, что обѣ легенды, и Амастридская и Сурожская, взяты изъ одного древнѣйшаго греческаго источника, восхившаго въ первоначальной редакціи за 865-й годъ, и что амастридское житіе (или часть его) оказывается подлогомъ, весь составъ его слѣдуетъ подвергнуть строгой повѣркѣ»; а «Житіе Стефана Сурожскаго, по особымъ извѣстнымъ причинамъ, должно быть

изслѣдовано не иначе, какъ въ совокупности съ Житіемъ его соименника», то есть, Стефана Новаго¹⁾. Другой ученый, нѣсколько измѣняя свои прежнія болѣе положительныя мнѣнія, признаетъ, что «легенда о походѣ Руси на Сурожъ была бы въ высшей степени важнымъ свидѣтельствомъ о существованіи славянской, до-варяжской Руси, если бъ оно было достаточно выяснено современною критикой», и ограничивается относительно этого свидѣтельства, равно какъ и относительно Амастридскаго Житія, однимъ заявленіемъ своего несогласія съ 285 чужими мнѣніями²⁾. Въ своихъ предшествующихъ статьяхъ, посвященныхъ пересмотру византійскихъ источниковъ и отдѣльныхъ извѣстій, относящихся къ русской исторіи, именно въ отрывкѣ, посвященномъ извѣстіямъ о крещеніи Владиміра, мы также не сочли возможнымъ коснуться Сурожской легенды, хотя мы знали, что существуютъ извѣстные основанія и авторитетныя мнѣнія, приурочивающія ее не къ какому-либо до-рюриковскому князю, а именно ко Владиміру. Намъ тоже казалось, что вопросъ о Сурожскомъ Житіи и легендѣ требуетъ еще критической провѣрки въ связи съ другими подобными вопросами. Рѣшившись въ настоящее время взяться за эту задачу, мы такимъ образомъ увидѣли, что для установленія болѣе прочныхъ и широкихъ основаній критическаго изученія обѣихъ легендъ, какъ Сурожской, такъ и Амастридской, необходимо сначала близкое знакомство съ Житіемъ Стефана Новаго. Съ него мы и начинаемъ рядъ статей, долженствующихъ затѣмъ слѣдовать въ такомъ порядкѣ: 2) Житіе Іоанна Готскаго, 3) Житіе Георгія Амастридскаго и 4) Житіе Стефана Сурожскаго.

Этотъ порядокъ соотвѣтствуетъ содержанію самыхъ памятниковъ, имѣющихъ быть предметомъ изученія, хронологической послѣдовательности тѣхъ событій византійской исторіи, о которыхъ въ нихъ главнымъ образомъ идетъ рѣчь. Послѣдней мы никакъ не хотимъ опускать изъ виду. Въ какой степени результаты нашего изслѣдованія будутъ прочны и несомнѣнны по отношенію къ вопросамъ первоначальной русской исторіи, — за

1) А. А. Куникъ, О запискѣ готскаго топарха въ Запискахъ Академіи Наукъ, XXIV, 103.

2) С. А. Гедеоновъ, Варяги и Русь, т. II, въ концѣ.

это впередъ трудно поручиться. Но во всякомъ случаѣ мы постараемся извлечь изъ данныхъ — не всѣмъ доступныхъ — источниковъ все то, что можетъ имѣть цѣну и значеніе какъ для русской, такъ и для византійской исторіи. Подробное изложеніе самаго содержанія всѣхъ Житій и, гдѣ нужно, буквальные изъ нихъ извлеченія предназначаются для этой цѣли, то есть, служить матеріаломъ прежде всего для византійской исторіи.

Житіе Стефана Новаго издавна существуетъ въ двухъ редакціяхъ. Одна изъ нихъ, болѣе краткая, переведена съ греческаго на латинскій языкъ Биллемъ и была издана имъ вмѣстѣ съ сочиненіями Іоанна Дамаскина (*S. Iohannis Damasceni opera, conversa per Jacobum Billium Prunaeum, Parisiis, 1603*); греческій подлинникъ, принадлежащій, по всѣмъ признакамъ, Метафрасту, нигдѣ не былъ напечатанъ¹⁾, но, сколько можно заключать по изложенію Димитрія Ростовскаго, онъ послужилъ источникомъ для Житія Стефана въ Макарьевской Миней за ноябрь мѣсяцъ²⁾. Болѣе полный и несомнѣнно первоначальный текстъ найденъ былъ Балюзомъ, который намѣренъ былъ издать его вмѣстѣ съ другимъ, приписываемымъ Метафрасту, но послѣ передалъ сдѣланный имъ списокъ съ манускриптовъ Монфокону; уже этотъ послѣдній напечаталъ, но только вновь найденный полный текстъ — въ Бенедиктинскомъ изданіи «*Analecta Graeca*», въ первомъ томѣ (1692 anno). А отсюда онъ перепечатанъ въ Греческой Патрологіи аббата Миня (*Migne, Patrologia graeca, t. 100*). Различіе въ двухъ редакціяхъ именно таково, какимъ оно оказывается и въ другихъ случаяхъ при сличеніи древнихъ житій съ обработкой ихъ, сдѣланною въ X вѣкѣ Симеономъ Метафрастомъ: сокращеніе коснулось главнымъ образомъ довольно длиннаго вступленія, гдѣ первоначальный авторъ объясняетъ свои личные побужденія, внушившія ему трудъ, а также заключенія, въ которомъ содержится молитвенное обращеніе къ святому. Помимо того, уже самимъ Метафрастомъ были, безъ сомнѣнія, сдѣланы тѣ же мелкія измѣненія въ языкѣ и стилѣ, ко-

1) Нѣкоторые извлеченія напечаталъ М. I. Γεδεώνъ въ изданіи 'Ο ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλλ. Φιλολογικὸς Σύλλογος, Ἀρχαιολογικὸν δελτίον, παράρτημα τοῦ χδ' — σστ' τόμου (1896 г.), стр. 76—79.

2) Ср. Сергія, Полный мѣсяцесловъ Востока, изд. 2, I 509 и II 487.

торыя потомъ обнаруживаютъ себя какъ въ латинскомъ переводѣ Биллія, такъ и въ извлеченіяхъ Баронія (въ Церковныхъ Лѣтописяхъ). Эти измѣненія не всегда безразличны для изслѣдователя византійской исторіи. Напримѣръ, мы дальше увидимъ, что въ Житіи Стефана Новаго говорится нѣсколько разъ о такъ называемыхъ «силенціяхъ», т. е., государственныхъ собраніяхъ, въ которыхъ императоръ вступалъ въ прямые сношенія и объясненія съ своими подданными. Въ первоначальномъ подлинникѣ при этомъ дѣло вездѣ представляется въ такомъ видѣ, что силенцій есть непосредственная бесѣда царя съ народомъ, напоминающая отчасти нѣкоторыя сцены русской исторіи, происходившія на Красной площади. Одно въ высшей степени живое описаніе такой бесѣды Константина Копронима прямо указываетъ на присутствіе именно въ собственномъ смыслѣ народной толпы. Между тѣмъ въ латинскомъ изложеніи при этихъ случаяхъ говорится только о присутствіи сенаторовъ, то есть, имперскихъ сановниковъ: *accita et coacta senatorum classe*. Есть основанія думать, что такое отличіе фразеологіи соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ измѣненіямъ въ формахъ византійской государственной жизни, происшедшимъ въ промежутокъ отъ иконоборческой эпохи до времени Симеона Метафраста. Во всякомъ случаѣ оно не должно быть опускаемо изъ виду при рѣшеніи вопроса о томъ, какъ относился народъ и, въ частности, столичное населеніе къ реформамъ императоровъ-иконокластовъ. Ради 287 нашихъ цѣлей мы, конечно, должны держаться только греческаго первоначальнаго текста, оставляя въ сторонѣ всякія позднѣйшія редакціи и переводы¹⁾, въ которыхъ сглаживаются именно болѣе дорогія подробности и черты быта и нравовъ.

Въ самомъ заглавіи Житія, сообщаемомъ рукописями Парижской Національной Библіотеки, указано имя и званіе автора: это былъ діаконъ Константинопольской церкви, по имени также Стефанъ; послѣднее, то есть, имя, могло быть, впрочемъ, угадано и безъ того, такъ какъ въ заключительномъ молитвенномъ обращеніи авторъ указываетъ на свою соименность со святымъ,

1) Между прочимъ, Житіе Стефана Новаго, какъ назидательное чтеніе для христіанина, изложено весьма подробно въ Душеполезномъ Чтеніи за ноябрь 1860 года. Источникомъ служили русскія печатныя Четы-Минеи.

къ которому онъ обращается. Какъ видно изъ вступленія въ Житіе, діаконъ Стефанъ писалъ его спустя сорокъ-два года послѣ кончины святаго. Такъ какъ годъ смерти Стефана Новаго отмѣченъ въ хроникахъ Ѳеофана и Никифора и относится къ 765 году, то изъ этого слѣдуетъ, что Житіе составлено около 808 года, то есть, въ царствованіе Никифора Логоѳета и въ промежутокъ между двумя иконоборческими періодами и династіями.

Произведеніе это написано было, какъ показываютъ частыя обращенія къ слушателямъ, «къ участникамъ духовнаго торжества», для публичнаго чтенія въ церкви, вѣроятно, въ день памяти мученика. Самое предисловіе начинается размышленіемъ объ обязанности хранить память праведныхъ съ похвалами и о пользѣ письменнаго ея закрѣпленія. При этомъ книга сравнивается съ иконою, чтѣ составляетъ довольно обычную тему у писателей того же періода. И книга, и икона служатъ одной и той же цѣли, только одна — посредствомъ слуха, другая посредствомъ зрѣнія; одна готовится знающимъ искусствомъ художникомъ, другая можетъ быть написана только человѣкомъ, получившимъ образованіе и духовное просвѣщеніе свыше. Діаконъ Стефанъ чувствуетъ, что ему недостаетъ ни того, ни другаго; сомнѣнія его, впрочемъ, представляютъ общее мѣсто, часто повторяющееся въ другихъ того же рода сочиненіяхъ, и онъ все-таки обращается къ своей задачѣ на томъ основаніи, что если его хвала не будетъ соответствовать достоинству и подвигамъ святаго, то это не послужитъ ему въ осужденіе, а напротивъ того, молчаніе, когда есть какая-либо способность говорить, было бы преступленіемъ въ отношеніи къ святому и послушаніемъ въ отношеніи къ тому, кто просилъ его взяться за трудъ. Послѣ мы узнаемъ (уже въ заключеніи), что порученіе описать жизнь Стефана Новаго возложено было на краснорѣчиваго ритора, діакона Стефана, монахомъ Епифаніемъ, отшельникомъ, поселившимся въ той же самой пещерѣ, которая нѣкогда была мѣстомъ подвиговъ соименнаго автору мученика. Діаконъ Стефанъ и потому не долженъ былъ уклоняться отъ возложенной на него задачи, что въ его время существовала еще возможность, которая могла вскорѣ затѣмъ утратиться, со-

брать вѣрныя и полныя свѣдѣнія о жизни и подвигахъ святаго. Эти свѣдѣнія онъ получилъ отъ «правдивыхъ людей», отъ учениковъ и посѣтителей Стефана Новаго; онъ предпринималъ для своей цѣли немалые труды, путешествовалъ по разнымъ мѣстамъ и, какъ пчела, собиралъ медъ со многихъ цвѣтовъ. Вслѣдъ за этими объясненіями авторъ изъясняетъ намѣреніе не удлиннять рѣчи длинными отступленіями и приступить къ своему предмету и, дѣйствительно, попросивъ у «священнаго собранія православныхъ» ихъ молитвъ, которыя могли бъ укрѣпить его силы, а также вниманія, онъ начинаетъ свое изложеніе. Прибавимъ, однако, что уже введеніе, переданное нами только въ его существенныхъ чертахъ, показываетъ какъ сильную наклонность автора къ риторическому многословію, такъ и его большую опытность въ этомъ искусствѣ, хотя онъ и сообщаетъ намъ, что собственно въ повѣствовательномъ родѣ, то есть, въ сочиненіи жизнеописаній, онъ прежде не упражнялся.

Затѣмъ мы переходимъ, вслѣдъ за нашимъ руководителемъ, къ первоначальной біографіи Стефана Новаго.

2.

Авторъ, самъ житель Константинополя, съ особеннымъ удивленіемъ останавливаетъ вниманіе слушателей на томъ обстоятельстве, что святой, о которомъ онъ держитъ рѣчь, есть тоже уроженецъ столицы. «Виновикъ этого священнаго торжества не какой-либо пришлецъ въ Византіи и не чужой обитателямъ царственнаго града; онъ нашъ по рожденію своему и воспитанію, его знали наши отцы и видѣли его своими глазами». Во времена императора Артемія или иначе Анастасія, въ первый годъ его правленія (6222 = 714), жилъ въ Константинополѣ одинъ человекъ, не отличавшійся ни высокимъ саномъ, ни богатствомъ, нечестиво пріобрѣтеннымъ, но кормившій себя трудами рукъ своихъ и еще удѣлявшій отъ своей скудости милостыню бѣднымъ и убогимъ. Съ своимъ семействомъ, которое состояло изъ жены, не уступавшей мужу въ благочестіи и благопріятіи, и двухъ дочерей, онъ жилъ на склонѣ большой цар-

ской улицы, тамъ гдѣ съ одной стороны стоитъ зданіе, именуемое Ставрїонъ, а насупротивъ — дома, называемые «Конста». Обѣ дочери были воспитаны родителями не только въ страхѣ Божіемъ, но и — черта, которая должна быть въ нашемъ изложеніи особенно отмѣчена, — обучены были грамотѣ. Не одно только разбираемое нами Житіе, но и другія того же рода сочиненія, относящіяся по своему содержанію къ эпохѣ иконоборческой и писанныя близкими современниками, свидѣтельствуютъ о значительномъ распространеніи школьнаго образованія и грамотности въ византійскомъ обществѣ. Здѣсь мы видимъ, что сознаніе этой потребности приписывается не какой-либо богатой или зажиточной фамиліи, а простой семьѣ рабочаго, и что она простирается не только на мужескій полъ, но и на женскій, что учили грамотѣ даже въ низшихъ классахъ не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ. Совершенно фактическая вѣрность этихъ указаній подтверждается тѣмъ историческимъ фактомъ, что когда вслѣдствіе борьбы за иконы усилилось греческое выселеніе въ Италію, и когда папа Захарій, по происхожденію тоже Грекъ, отвелъ для греческихъ монахинь особый монастырь, то онѣ прежде всего устроили въ немъ греческую женскую школу¹⁾.

Мужъ и жена, приближаясь уже къ старости, печалились о томъ, что при двухъ дочеряхъ у нихъ не было ни одного сына. Особенно горевала объ этомъ жена. Подражая ветхозавѣтной матери Самуила, имя которой она носила, новая Анна искала помощи въ молитвѣ и съ особеннымъ усердіемъ посѣщала церкви, посвященныя Богородицѣ, которыхъ въ Константинополѣ было нѣсколько, чаще же всего ходила въ знаменитый храмъ Влахернской Богоматери. Уже въ VIII вѣкѣ, какъ мы узнаемъ изъ нашего Житія, въ этомъ храмѣ совершалось ежедневно съ пятницы на субботу то продолжавшееся цѣлую ночь бдѣніе и пѣснопѣніе, о которомъ упоминается въ позднѣйшихъ источникахъ, не только византійскихъ, но въ западныхъ и русскихъ, съ какими-то несовсѣмъ ясными намеками на по-

1) Rodotà, Dell' origine, progresso, e stato presente del rito greco in Italia, II, p. 71; Zambelli, Meletem., p. 312.

стоянно повторявшееся «обычное чудо». Въ разсказѣ о взятіи Константинополя Латинами, находящемся въ нашихъ лѣтопис- 290
ныхъ сборникахъ, это чудо передается въ такихъ выраженіяхъ, что «у Святой Богородицы, иже въ Лахернѣ, Духъ Святый сход-
ждале на вся пятницѣ»¹⁾. Въ одномъ средневѣковомъ латин-
скомъ сочиненіи (Belethi, *Rationale divinatorum officiorum*), безъ сомнѣнія, то же самое чудо разумѣется при слѣдующемъ опи-
саніи: «Быль нѣкогда въ Константинополѣ, въ одной церкви, образъ Святой Дѣвы, предъ которымъ висѣлъ покровъ, совер-
шенно закрывающій его; но въ пятницу на вечернѣ этотъ по-
кровъ безъ всякаго содѣйствія ниспадалъ самъ собою и божес-
ственнымъ чудомъ какъ бы поднимался къ небу, такъ что всѣ
это могли ясно и вполне видѣть; а въ субботу покровъ нисхо-
дилъ на прежнее мѣсто и оставался до слѣдующей пятницы».

Утомленная усердною молитвою и земными поклонами, Анна заснула, и вотъ ей во снѣ явилась жена, совершенно похожая на ликъ Влахернской Богоматери, то есть, на изображеніе иконы, предъ которою она молилась на яву. Какъ бы ударивъ спящую въ нижнюю часть живота (τὴν ψάαν πατάξατα), видѣніе произнесло слѣдующія слова: «Иди съ миромъ, ибо ты имѣешь сына». Анна съ радостію воротилась домой и вскорѣ узнала, что понесла во чревѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ, относящійся къ одному изъ тѣхъ событий въ византійской жизни, которыя вызывали участіе и даже волненіе во всемъ населеніи столицы. Патріаршескій престолъ, остававшійся въ это время празднымъ, былъ замѣщенъ новымъ избранникомъ, который теперь готовился къ торжественному вступленію (ἐνθρονίσαις) на свою кафедру: это былъ знаменитый Германъ, будущій защитникъ иконъ и страдалецъ

1) Что должно быть принято именно это чтеніе, а не другое, говорящее о Пятидесятницѣ, это дѣлается несомнѣннымъ изъ сопоставленія находящихся въ текстѣ мѣсть. А что чудо, подобное тому, которое описано у Белета (Migne, *Patrolog. lat.*, t. 202, col. 57 sq.) въ 51-й главѣ, могло быть названо сходженіемъ Духа Святаго, это легко понять, особенно если мы припомнимъ, что и въ путешествіи игумена Даниїла сходженіе огня къ гробу Господню тоже называется «пришествіемъ Духа Святаго». Мы уже прежде <Т. I, стр. 173> имѣли случай сдѣлать догадку, что «обычное чудо» въ разсказѣ Анны Комнины <XIII 1, pp. 376 AB ed. Paris.> — все то же самое пятничное чудо Влахернскаго храма.